

Куликова Екатерина Владимировна

"СВЕТЛОЕ НЕБО" И "ЧЕРНОТА ЗЕМЛИ": ТЕМА БЕЗДУХОВНОСТИ В РОМАНЕ В. МАКАНИНА "ПРЕДТЕЧА"

Статья посвящена выявлению специфики идеологического наполнения образа главного героя романа В. С. Маканина "Предтеча". В работе анализируются способы пародирования Маканиным библейских образов и сюжетных ситуаций, что позволяет сделать выводы об оригинальной функциональной направленности пародии в маканинском романе, где этот художественный приём становится важным орудием изображения массовой бездуховности – по Маканину, патологичного и деструктивного явления нового времени.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 112-115. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1.09

Филологические науки

Статья посвящена выявлению специфики идеологического наполнения образа главного героя романа В. С. Маканина «Предтеча». В работе анализируются способы пародирования Маканиным библейских образов и сюжетных ситуаций, что позволяет сделать выводы об оригинальной функциональной направленности пародии в маканинском романе, где этот художественный приём становится важным орудием изображения массовой бездуховности – по Маканину, патологического и деструктивного явления нового времени.

Ключевые слова и фразы: Маканин; пародия; травестирование; аллюзии; библейские образы; бездуховность.

Куликова Екатерина Владимировна*Мичуринский государственный аграрный университет**cul-cat@yandex.ru***«СВЕТЛОЕ НЕБО» И «ЧЕРНОТА ЗЕМЛИ»: ТЕМА БЕЗДУХОВНОСТИ
В РОМАНЕ В. МАКАНИНА «ПРЕДТЕЧА»[©]**

В большинстве произведений раннего маканинского творчества, несмотря на преобладание в нём традиционалистских черт, уже наблюдается переосмысление многих архетипических образов, приобретающих вследствие этого новое идеологическое наполнение. Можно сказать, что генезис нового героя происходит под воздействием на архетипический «остов» образа осязаемой и предвкушаемой, однако ещё далеко не определяющей стиль Маканина постмодернистской эстетики.

Как правило, генерированный подобным образом персонаж занимает в произведении Маканина совершенно особое место, будучи, по словам самого прозаика, «выделенным» из общей массы. Тем самым реализуется свойственный для маканинского творческого метода приём противопоставления *одного* «живого» героя *множеству* других – «стереотипных».

В романе «Предтеча» (1982) Маканин живописует целителя Сергея Степановича Якушкина – героя, противостоящего пороку бездуховности, очевидно, отождествляемому писателем с истинной «болезнью» эпохи. С точки зрения традиционализма возникновение такого персонажа вполне закономерно и объяснимо. Но здесь необходимо отметить важную сюжетную деталь – чудесные способности Якушкина обусловлены его помешательством. В таком контексте борьба «предтечи» с бездуховностью выступает своего рода пародией на борьбу, а духовность главного героя, в «живительной» силе которой не приходится сомневаться, – одновременно оценивается писателем как рудимент, не устойчивый к разрушительному воздействию цивилизации. Душевно больной герой, исцеляющий «духовно» больное общество, – такое ироническое осмысление вполне соответствует уже постмодернистскому герою с присущим ему несоответствием «формы» «содержанию». Сочетание традиционалистских и постмодернистских черт придаёт персонажу особую амбивалентность, а всему тексту – семантическую «многоярусность».

Показателен в этом плане и двойной финал романа. В его традиционалистском варианте Якушкин изображается «простирающим руки к небу, где вместо светлого неба – чернота земли» [3, с. 364]. Важность этого эпизода для трактовки всего произведения очевидна, ведь именно здесь мотив безысходности, душевного отчаяния достигает своего апогея за счёт явно христианской патетики, также обыгрывающей центральную оппозицию «светлого неба» (духовности), – как оказалось, недостижимого в современных условиях, – и «черноты земли» (бездуховности), выступающей как суровая реальность времени.

Интерпретация мифопоэтики образа Якушкина представляется необходимой, так как способствует наиболее целостному истолкованию мотива утраты духовности, ставшего сюжетообразующим в романе Маканина «Предтеча».

Образ Якушкина, будучи центральным в повествовательном пространстве всего романа, как бы определяет характер его аллюзийности, неслучайно касающейся в большей мере евангельской тематики, ядром которой, безусловно, является «новоявленный» «мессия». В тексте весьма отчётливо прослеживаются евангельские реминисценции, философская символика которых подвергается буквализации и, как следствие, десакрализации.

Специфика идеологического наполнения романа, в котором проблема «бездуховности» феноменализируется и достигает апокалиптических масштабов, обусловила архетипические ориентиры, которые лежат в основе образа Якушкина. Прослеживающиеся на протяжении всего повествования аллюзии, касающиеся библейского текста, на наш взгляд, не только имеют целью заострить неординарность и особое предназначение главного героя, но и указывают на обезличивание, дезактуализацию современных «пророков» и «апостолов», что, согласно канонам реализма, является горьким следствием необратимой утраты духовной первоосновы, заложенной в самосознании народа. Всё же нельзя не отметить явно иронического обыгрывания в тексте литературных (главным образом библейских) образов и сюжетных ситуаций, что, прежде всего, свойственно постмодернизму, «развенчивающему абсолютное и индивидуальное» [6, с. 474].

Комментируя образ Якушкина, уместно обратиться к точке зрения М. Эпштейна, по мнению которого постмодернистская эстетика тяготеет к «новой надличности, сверхсознательности, безымянности, рефлексу

средневековости – и вместе с тем фрагментарности, рассыпанности, эклектизму, иронии по отношению ко всему индивидуальному и абсолютному» [Там же, с. 473]. Многие из этих черт прослеживаются и в романе «Предтеча», что сопряжено в тексте с переосмыслением архетипических образов и сюжетов в русле нового времени. На наш взгляд, этот художественный приём может быть одним из способов «хаотизации мира», согласно которому происходит «подмена знаменитых прототипов вымышленными персонажами» [1, с. 5]. Якушкин является тем самым «вымышленным персонажем», «подменяющим» Мессию, Спасителя, художественная модификация которого в художественном пространстве романа «Предтеча» обретает свойственную постмодернизму неоднозначность, граничащую с алогичностью трагифарса.

Уже в начале романа отмечается «чудовищная говорливость» Якушкина, благодаря которой и произошло «чудо исцеления» [3, с. 234]. Как известно, уже в первой строке Евангелия от Иоанна звучит фраза: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1). «Слово» отождествляется с самим Богом, который «одним словом, своим желанием творит, создаёт весь мир» [4, с. 63]. Особая символика Слова характерно присутствует и в произведениях Маканина, и в частности в более поздней повести «Лаз» (1991), где Слово функционирует как аксиологическая категория. Важно, что в «Лазе» Слово становится оплотом индивидуальности, творчества и «живой», духовной жизни, что, очевидно, происходило и в «Предтече». Однако в этих произведениях отчётливо прослеживается мотив нереализованности Слова в реальности: в «Лазе» Слово процветает только в утопическом «подземном» мире, где ему недостаёт кислорода и жизненных сил; в «Предтече» же Слово вызывает ассоциации «брёда», «болтовни», «галиматы», «сумбура», что сводит его особое предназначение к минимуму.

Надо сказать, что сам процесс лечения больных Якушкиным диаметрально противоположен исцелениям Иисуса, описанным в Евангелии. Образ знахаря наполняется здесь скорее, демоническим колоритом неистовства, исступления, ярости. Якушкин будто бы изгоняет пагубу из «спорченных цивилизацией» людей, что придаёт его речам обличительно-негодующий характер: «А ты сочи-ка, сколько ты хапал в жизни, сколько ты других локтями отпихивал, пьянствовал сколько!» [3, с. 242]. Противоречивость образа (равно как и его нетривиальность) заключается в том числе в контаминации в нём языческих и христианских черт, что, вероятно, неслучайно. Можно предположить, что герой таким образом имплицитно воплощает в себе феномен «двоеверия», генетически заложенный в русской культуре. В постмодернистском переосмыслении это явление возникает в его пародированной форме, когда Якушкин по ходу романа «перевоплощается» то в проповедника, то в колдуна, то в клоуна.

Подобные несоответствия и несогласования, снижающие образ «спасителя» и как бы «адаптирующие» его к новой эпохе в постмодернистском русле, обнаруживаются во множестве деталей сюжета. Так, Якушкин, отрицающий любую «химию», тем не менее изготавливает очередное «зелье» почти в лабораторных условиях – «химичит». В проповедях знахаря часто встречаются «связки и целые блоки вычитанных мыслей», которые создают эффект эклектичности и хаотичности [Там же, с. 247]. Эпоха, по Маканину, определяет своего героя, и потому вполне естественно, что в эпоху неопределённости и нарастающей кризисности возникает столь неоднозначный в своих мировоззренческих идеалах персонаж, сочетающий «слепоту пещерных шаманов» и «опыт говорунов-пророков» и вышедший на «труд алхимиков» [Там же, с. 249].

Отождествление в романе «Предтеча» физического недуга – рака – и духовного порока не вызывает сомнения, и тем яснее вырисовывается позиция Маканина, для которого бездуховность состоит в отдалении от природы, «усреднении» человека под влиянием цивилизации. Однако реалистическая недостижимость и постмодернистское ниспровержение снова сливаются здесь воедино. Интересно, что Якушкин одновременно и являет собой, и пародирует тип человека «природного», проповедующего естественный, почти руссоистский образ жизни на лоне природы: «Если не уйти (не уехать), то отказаться от городской напористой жизни, от излишеств – денег – выпивки – женщин – жратвы – должностей» [Там же, с. 243]. Градация пороков, среди которых контрастно грубо выделяется «жратва», лишь усиливает пародию, если учесть, что «сделавшись собирателем трав» и бродя по Мещёре (аллюзия, касающаяся творчества воспевавших этот край С. А. Есенина, К. Г. Паустовского), Якушкин находит в подобном отшельничестве не жизнь, а смерть, которая (согласно постмодернистской версии финала романа) настигает его «неподалёку от реки – это факт» [Там же, с. 381].

Знахарь проповедует любовь «ко всему живому», и наставление это также пересекается с главной евангельской заповедью: «возлюби ближнего своего, как самого себя» (Мтф. 22:39). В якушкинском понимании эта «любовь» была залогом не только духовного, но и физического здоровья, сохранения «человеческих клеток», а значит, исцеления. Правда, и здесь возникает искажение библейского семантического наполнения. Якушкин, очевидно, снова под влиянием «научных трудов», прочитанных им, «интеллектуальничал», разделяя «любовь к живому» на спасительную любовь к людям и губительную любовь к собакам, являющуюся «видимостью любви». Пародийность заостряется тем, что последним «товарищем» Якушкина становится именно пёс, сопровождающий его до смертного одра.

Знаменательно, что и «ученики» Якушкина трагически воплощают евангельские образы последователей Христа. Среди них верная Инна Галкина, именуемая Маканиным «соангелом», твёрдо уверенная в святости «полубога» Якушкина и готовая, подобно библейской Марии Магдалине, «лёгкими шагами пойти за ним» [Там же, с. 248]. В образе Инны подчёркивается её жажда веры, недостаток которой «сломленно-сговорчивая» женщина возмещала общением с «гениальным» стариком. Но в Инне, помимо христианской любви, ясно ощущается и физическое, плотское влечение к знахарю. Бурлескность образа подчёркивается тем, что даже во снах Инне являлись «иконописные мужские лики» [Там же, с. 249].

Маканин указывает на искажённость восприятия «якушкинцами» их «учителя». «Тихий» студент Кузовкин, его жена Люся и многие другие приверженцы философии Якушкина относятся к его «дару» потребительски или даже презрительно. Так, созвучно евангельскому мотиву неверия иудеев, периодически обнаруживается подозрительно-пренебрежительное отношение к знахарю журналиста-неудачника Коляни Аникеева: «Убогие – так звал их Коляня. Выслушав бред и уходя от них... Коляня Аникеев каждый раз плевался и срашил чуть ли не вслух – однако не вслух – шарлатана и недоучку» [Там же, с. 285].

Вполне вероятно, что в образе Якушкина заключена так ценная Маканиным «ярящаяся индивидуальность», которая пугает окружающих и приводит в смятение и самого врачавателя. Как представляется, мысли о «коллективизме» внедряются в сознание Якушкина под тем же влиянием цивилизации, при этом находясь в одном ряду с такими же инородными для «природного» человека рассуждениями о «нейтрини», «летучих тарелках» и «биофизике» [Там же, с. 284]. Наряду с этим и «высокие» слова о духовных ценностях из уст «борца с бездуховностью» звучат уже не как мудрое наставление, а как многократно повторяемое «бубнение», «болтовня», в которой интуиция становится синонимом любви и совести. Здесь уместно отметить пародийное осмысление мифологического «белогорья», которым бредит впавший в очередной «экстаз» старик: «Белая гора! Белая!.. <...> Какая белая!» [Там же, с. 365]. Подобная демифологизация понятия – еще один признак нивелирования традиционных ценностей и ориентиров, упоминание которых в речах «больного» старика приобретает трагифарсовый характер.

Сущность образа Якушкина целесообразно рассматривать в сопоставлении с библейским понятием «ловца человеков» (Мтф. 4:18-19), с которым, впрочем, сам отождествляет себя знахарь. Притча о старце, «окликающем» неразумное «стадо», играет важную роль в трактовке философского и мифопоэтического наполнения образа. Якушкин лелеет в себе этого старца, чётко осознавая свою причастность к гибели «племени», идущего к обрыву. Вероятно, в этой притче аллегорически запечатлены взгляды самого Маканина на «сгущающиеся сумерки» действительности, выходом из которых может стать стремление к духовности единения, а не к безумию стадности.

Можно сказать, что метаморфозы, происходящие с Якушкиным в романе «Предтеча», подобны трансформации понятия «ловец человеков», которое в новое время приобрело и негативный оттенок, обозначая «ловца душ», «манипулятора человеческим сознанием» [5, с. 396]. Под воздействием окружающей цивилизации сакральность образа нивелируется, превращаясь в пародию. Естественно при этом, что средством травестирования образа Якушкина становится и утрата им чудодейственного дара. Показательно, что некогда называемый «гением» и «полубогом» персонаж к финалу романа предстаёт беспомощным, жалким, «потерявшимся» стариком, в котором Коляня обнаруживает «самую обычную человеческую требуху» [3, с. 341]. Маканин отмечает, что теперь Якушкин стал «зеркальным отражением» Коляни, что в понимании писателя, скорее всего, равнозначно духовному краху, мыслимому также и как отступничество знахаря. Характерным продолжением этого мотива является один из финалов романа, в котором изображён «прозаический» уход старика из жизни, оборвавшейся для её единственного свидетеля – пса – именно на слове «любовь». Сцена эта при всей её символичности достаточно органично включается в художественную концепцию романа, согласно которой «светлое небо» духовности и сопричастности к судьбе страдающих всякий раз оборачивается «чёрной землёй» непонимания и равнодушия.

Подводя итог, можно сделать вывод об оригинальном осмыслении в романе «Предтеча» темы бездуховности, так же как и образа главного героя – знахаря Якушкина. Путём введения библейских и других литературных аллюзий, использующихся применительно к тексту романа в буквальном (при этом намеренно сниженном) смысле, Маканин травестирует образ главного героя, одновременно показывая его духовную (равную энергетической) редукцию, что неизменно приводит в финале романа к всестороннему фиаско персонажа.

Список литературы

1. Даниленко В. Есть хаос – есть постмодернизм. Дискуссия «Постмодернизм: 20 лет спустя» // Литературная газета. 2012. 8 февраля.
2. Евангелие. М.: Благовест, 2011. 608 с.
3. Маканин В. С. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Материк, 2002. Т. 2. 384 с.
4. Перевезенцев С. В. Тайны русской веры: от язычества к империи. М.: Вече, 2001. 432 с.
5. Серов М. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с.
6. Эпштейн М. Н. Постмодерн в русской литературе. М.: Высш. шк., 2005. 495 с.

“BRIGHT SKY” AND “BLACK EARTH”: THEME OF DESPIRITUALIZATION IN NOVEL “ANCESTOR” BY V. MAKANIN

Kulikova Ekaterina Vladimirovna
Michurinsk State Agrarian University
cul-cat@yandex.ru

The author reveals the specificity of main character's image ideological content in the novel –Ancestor” by V. S. Makanin, and analyzes the ways of Makanin's parody of biblical images and plot situations, which allows drawing conclusions about the original functional orientation of parody in Makanin's novel, where this artistic technique becomes an important tool of mass despiritualization representation – according to Makanin, the pathological and destructive phenomenon of early modern period.

Key words and phrases: Makanin; parody; travesty; allusions; biblical images; despiritualization.

УДК 811'16:378.147

Филологические науки

Статья рассматривает проблемы соотношения сознательного и бессознательного в процессе формирования речи. Приводятся аргументы тех, кто считает, что мышление происходит только в вербальных формах, и тех, кто полагает, что существует довербальный несловесный уровень мышления. Предлагаются пути проникновения в образ инофонного сознания посредством овладения грамматическим кодом иностранного языка через воздействие на чувства, а также развитие рефлексивного мышления в контексте деятельности.

Ключевые слова и фразы: логос; когнитивные процессы; бессознательное; вербальность/невербальность мышления; культурные архетипы; инофон.

Лахотюк Любовь Андреевна

Томский политехнический университет

lakhotyuk@tpu.ru

**ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ЯЗЫКА МЫШЛЕНИЕМ
И ПУТИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА[©]**

Характерной чертой наступающей постиндустриальной эпохи является антропоцентризм. Это находит, в частности, свое отражение в том, что развитие гуманитарных наук проходит путь от рационалистических, формально-логических исследований до системных, антропологических учений. Так же как психология, которая сначала рассматривала человека как рациональное существо, пока Зигмунд Фрейд не создал своего учения о роли бессознательного, поднялась до понимания человека как целостного системного организма, так и лингвофилософская мысль поднялась до понимания языка как целостного системного организма, где центральное место, естественно, занимает языковая личность с ее сложноорганизованной психикой и запутанными взаимоотношениями между сознанием и подсознанием.

Предметом нашего интереса является проблема соотношения сознания и бессознательного, обусловленности сознания и мышления языком, которая теснейшим образом оказывается связанной с проблемой «языка мысли». Исследование этой проблемы привело к постановке вопроса о роли бессознательного, о том, всегда ли мышление происходит в вербальных формах или существует довербальный несловесный уровень мышления. На этот вопрос нет однозначного ответа до сих пор, так как «глубинные уровни речепроизводства все же недоступны для объективного наблюдения» [1, с. 27].

С одной стороны, мы согласны с мнением Платона, который в своем знаменитом «Теэтете» говорит: «Если же кто-то получит истинное воззрение на что-либо помимо слова, то душа будет владеть истиной, но не знанием, ибо кто не может дать отчет и подобрать слово для чего-то, тот не знает этого. Привлекая же слово, он постигает все это и в конце концов подходит к знанию. Знание – это истинное воззрение, произнесенное словом, а не произнесенное словом – вне знания; и для чего есть слово – то познавательно» [Цит. по: 2, с. 287]. С другой стороны, нам близко высказывание В. Гумбольдта о том, что «человеческое существо обладает предощущением какой-то сферы, которая выходит за пределы языка и которую язык, собственно, в какой-то мере ограничивает, но что все-таки именно он – единственное средство проникнуть в эту сферу и сделать ее плодотворной для человека, причем воплощать в себе все большую ее часть языку помогает именно совершенствование его чувственной стороны» [5, с. 171].

Обращаясь к истории, мы обнаруживаем негативное отношение к чувственной составляющей сознания. Античные мыслители утверждали, что логос – это истинное знание, в то время как «докса» – чувственное знание – является «темным», «неразумным знанием», искажающим истину. Приоритет был отдан разуму, т.е. мысли, выраженной в речи. Но «наш разум видит многое, для чего, однако, у него нет словесных обозначений», – пишет Данте [13]. По мнению Д. И. Дубровского, «наиболее важное феноменологическое различие между сознательным и бессознательным состоит в том, что первое представляет информацию – «закрытую», непосредственно для личности недоступную, но играющую тем не менее чрезвычайно существенную роль в общем балансе личностных информационных процессов [6, с. 74]. Поэтому представляется, что не менее, чем логос, важна докса – это мыслительный результат, важный для самого себя, но не выраженный для другого. Человек, настойчиво стремящийся понять себя, свои отношения с другими людьми и миром, опирается в значительной мере и на невербальный язык, что приближает его к образному, к тому, что обычно описывается терминами «прозрение», «неведомое знание», «подсознательные глубины». Само обилие сходных терминов говорит о материальности этого явления. Если бы его не существовало, у нас не было бы знакомого всем ощущения, что то, что мы говорим, – это не то, что хотим сказать, что наша мысль на самом деле глубже и что она, как трава пробивается сквозь асфальт, распрямляясь и меняя цвет, пробивается из довербальной части (из бессознательного, где она существует в форме чувственного знания, «предощущения») в вербальную часть (сознание), подыскивая себе нужные слова и способы построения предложения и становясь